

И. В. Зернов

Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове¹

Аннотация. Изучение Гнёздовского некрополя продолжается более ста пятидесяти лет – накоплен многочисленный археологический материал, нуждающийся в публикации на современном научном уровне. В 1898 году С. И. Сергеевым в Гнёздове было раскопано погребение, датируемое в пределах X века. В составе погребального инвентаря была обнаружена глиняная антропоморфная статуэтка. Характер деформаций статуэтки свидетельствует о том, что она была помещена в погребальный костер еще сырой и уже там прошла процедуру частичного обжига. Это позволяет говорить о фигурке как о ритуальном предмете, целенаправленно изготовленном для погребения. Ритуальное назначение гнёздовской статуэтки сближает ее с глиняными лапами и кольцами, обнаруженными в могильниках Ярославского Поволжья – по мнению большинства исследователей, эти предметы также изготавливались непосредственно для использования в погребальном обряде. Гнёздовская статуэтка дополняет и усложняет ранее сложившуюся картину существования на древнерусской территории погребальной традиции, заключающейся в помещении в захоронение фигур из необожженной глины.

Ключевые слова: погребальный обряд Древней Руси, Гнёздово, антропоморфная статуэтка, глиняные лапы и кольца

Для цитирования: Зернов И. В. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. 2026. № 1(9). С. 9–20.

К настоящему моменту изучение Гнёздовского могильника продолжается уже более ста пятидесяти лет. Значительный размер и уникальная сохранность этого могильника придают ему значение эталонного «дохристианского» некрополя Древней Руси [Жарнов, 1992, с. 173]. В научной литературе не раз отмечалось, что за период исследований было накоплено значительное количество археологического материала, публикация которого на современном научном уровне представляется важной исследовательской задачей. Стоит подчеркнуть, что в ходе анализа и обработки ранее накопленного археологического материала интерпретация некоторых предметов может быть уточнена или даже изменена. В качестве удачного примера переинтерпретации предметов из Гнёздова можно назвать

¹ Исследование проведено в ходе работы с вещевым материалом Гнёздовского комплекса археологических памятников в рамках написания диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

работу С. С. Зозули и В. В. Новикова, посвященную изделиям с зооморфными окончаниями [Зозуля, Новиков, 2024, с. 17–19]. Исследователи подвергли критике более ранние предположения о назначении подобных изделий и предложили собственную интерпретацию² рассматриваемых предметов как элементов сбруи упряжного коня [там же, с. 19].

Значительного внимания, на наш взгляд, заслуживает вещевой материал, полученный в результате раскопок, проведенных в Гнёздове ревизором службы движения Риги-Орловской железной дороги С. И. Сергеевым в 1898–1901 годах. Среди дореволюционных исследователей Гнёздова полевые работы этого «скромного, но безусловно полезного провинциального археолога» [Спицын, 1905, с. 7] отличаются наибольшей тщательностью. Это является немаловажным при современном осмыслении археологического материала, полученного в более раннее время. Сергеев оставил после себя подробные дневники и графические планы раскопок, а также первые фотографии Гнёздовского комплекса археологических памятников. Сергеевым был также составлен инструментальный план участка (с располагавшимися на нем курганами), который отводился под расширение полотна Риги-Орловской железной дороги [Медведева, 2018, с. 276–282].

Материалы раскопок С. И. Сергеева были частично опубликованы В. И. Сизовым в работе «Курганы Смоленской губернии» в 1902 году и А. А. Спицыным в работе «Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева» в 1905 году. Часть информации, не вошедшей в работы В. И. Сизова и А. А. Спицына, содержится в дневниках раскопок, хранящихся в рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН [Медведева, 2018, с. 267].

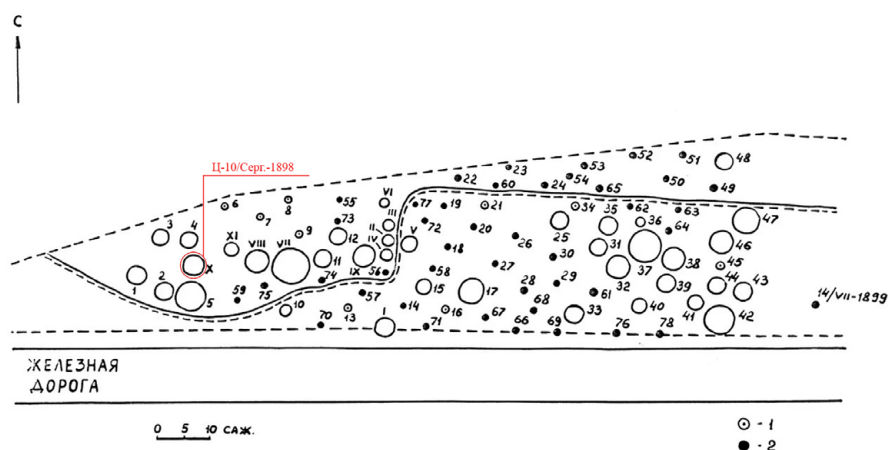

Рис. 1. Расположение кургана Ц-10/Серг-1898 в южной части Центральной курганной группы Гнёздовского могильника (из: [Жарнов, 1992, рис. 2])

Fig. 1. Location of the C-10/Serg-1898 barrow in the southern part of the Central barrow group of the Gnezdovo necropolis (from: [Zharnov, 1992, fig. 2])

Цели этой статьи: во-первых, повторное введение в научный оборот погребально-го комплекса кургана Ц-10/Серг-1898³, раскопанного С. И. Сергеевым в Центральной курганной группе в 1898 году; во-вторых, интерпретация входящих в состав погребального инвентаря предметов, определенных нами как фрагменты антропоморфной глиняной статуэтки.

² Интерпретация С. С. Зозули и В. В. Новикова нам представляется наиболее аргументированной.

³ В дневнике С. И. Сергеева курган обозначен номером X. В настоящее время курганы из раскопок С. И. Сергеева принято указывать в порядке, указанном в работе А. А. Спицына [Спицын, 1905].

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

Рассматриваемый курган находился в южной части Центральной курганной группы (рис. 1)⁴. Участок расположения курганов Центральной группы, исследованных С. И. Сергеевым в 1898–1899 годах, удается довольно точно локализовать благодаря составленному исследователем рукописному графическому плану Гнёздовского археологического комплекса [Медведева, 2018, с. 279, рис. 9]. Местоположение непосредственно кургана Ц-10/Серг-1898 в пределах этого участка удается определить на инструментальном плане, имеющемся среди материалов раскопок [там же, с. 277, рис. 7]. Высота курганной насыпи составила около 1,6 м при диаметре около 7,7 м⁵. В самой курганной насыпи был найден горшок с небольшим количеством костей⁶. Под насыпью было зафиксировано погребальное кострище округлой формы с диаметром около 1,07 м, из которого происходил немногочисленный инвентарь, представленный двумя фрагментами глиняной статуэтки, тремя небольшими слитками⁷ и двумя железными стерженьками. К настоящему времени в фондах Отдела археологических памятников Государственного исторического музея хранятся лишь фрагменты глиняной статуэтки⁸, местонахождение остальных предметов неизвестно.

Рис. 2. Сосуд из погребения Ц-10/Серг-1898

Fig. 2. The vessel from the burial of C-10/Serg-1898

⁴ Благодаря С. Ю. Каинова за любезно предоставленную возможность ознакомиться с имеющимися у него материалами.

⁵ Скорее всего, измерение высоты производилось с учетом глубины ровика, окружавшего курганную насыпь.

⁶ А. А. Спицын пишет, что «близ верха горшочек... с небольшим количеством косточек» [Спицын, 1905, с. 36]. У С. И. Сергеева в полевом дневнике содержится запись: «В вершине горшочек. На глубине 1 арш. – горшок целый» [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1899. Д. 106. Л. 25].

⁷ А. А. Спицын предполагает, что слитки были из серебра [Спицын, 1905, с. 36].

⁸ Вещевая коллекция из раскопок С. И. Сергеева хранится в фондах Отдела археологических памятников Государственного исторического музея. Благодаря заведующего сектором средневековой археологии кандидата исторических наук В. В. Мурашёву за предоставленную возможность работать с коллекциями.

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

Рис. 3. Фрагменты глиняной статуэтки из погребения Ц-10/Серг-1898

Fig. 3. Fragments of a clay statuette from the burial of C-10/Serg-1898

Погребальная урна (рис. 2) представляет собой хорошо профилированный лепной горшок эсвидной формы⁹, отнесенный Е. В. Каменецкой к первому варианту VI типа лепной керамики Гнёздова [Каменецкая, 2019, с. 144, рис. 13, 3]. Горшок имеет высоту 19,2 см¹⁰ и изготовлен из красной глины с примесью крупной дресвы. На плечиках сосуда расположен орнамент в виде прочерченной зигзагообразной линии.

Стоит отметить, что в работе Е. В. Каменецкой не был отмечен курган, из которого происходил рассматриваемый горшок. Это может быть связано с тем, что в описи В 1537 Исторического музея нет указаний о происхождении сосуда. В свою очередь, у А. А. Спицына нами была обнаружена неточность – иллюстрации с изображениями погребальных урн из курганов Ц-10/Серг-1898 и Ц-28/Серг-1899 оказались перепутаны местами [Спицын, 1905, с. 67, рис. 137, рис. 140]¹¹. По нашему мнению, эта неточность впоследствии препятствовала правильному соотношению погребального комплекса и происходящего из него сосуда¹².

⁹ ГИМ 42536. Оп. В 1537, № 1604.

¹⁰ У А. А. Спицына высота горшка составляет 20 см [Спицын, 1905, с. 34].

¹¹ У А. А. Спицына горшок из кургана Ц-10/Серг-1898 отмечен на иллюстрации №140. Однако именно рисунку № 140 в точности соответствует данное А. А. Спицыным описание горшка из кургана Ц-28/Серг-1899, в то время как описание горшка из кургана Ц-10/Серг-1898 близко к рисунку № 137.

¹² В пользу утверждения о происхождении данного горшка из кургана Ц-10/Серг-1898 также свидетельствует следующее обстоятельство: горшок из этого кургана отмечен в записях С. И. Сергеева как имеющий номер 189 по полевой описи [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1899. Д. 106. Л. 25]. Среди фотографий, сделанных по распоряжению С. И. Сергеева после раскопок 1898–1899 годов, подпись «189» имеет фотография с рассматриваемым лепным горшком с зигзагообразным орнаментом (РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1899. Д. 106. Л. 15).

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

Два обнаруженных в кострище изделия из глины являются, по всей видимости, верхней и нижней частями одной глиняной антропоморфной фигуры¹³ (рис. 3). Процедура интерпретации данных изделий была проведена с применением методов визуального и трасологического анализа. Оба фрагмента состоят из красной плохо обожженной глины с включением песка (рис. 4)¹⁴. Стоит отметить, что отсутствие дресвы в глиняном тесте статуэтки отличает его от теста, характерного для глиняных сосудов Гнёздова. Один фрагмент статуэтки в настоящий момент имеет длину 3,6 см. Уже после обнаружения эта часть статуэтки претерпела значительные утраты: так, в настоящий момент утрачены обе детали, которые можно с определенной уверенностью определить как ноги фигуры¹⁵. О существовании ног свидетельствует фотография, сделанная вскоре после раскопок¹⁶. Эта же фотография, по всей видимости, была использована в работах В. И. Сизова и А. А. Спицына (рис. 5). Другой фрагмент, имеющий высоту 4,7 см, отличается лучшей сохранностью: с определенной осторожностью в интерпретации на нем можно определить голову, спину и согнутые в локтях руки – ими фигурка прижимает к себе какие-то сложноопределимые предметы¹⁷. Стоит отметить, что у обоих фрагментов статуэтки участки разломов тоже обожжены.

Рис. 4. Глиняное тесто статуэтки на участке разлома Fig. 4. Clay statuette at the site of the fault

¹³ ГИМ 42536. Оп. В 1537, № 1447.

¹⁴ Мы называем статуэтку именно глиняной (а не керамической) по причине того, что ее обжиг носил скорее случайный характер. Более подробно об этом будет сказано далее.

¹⁵ А. А. Спицын отмечает, что у рассматриваемого фрагмента «колени поставлены вперед, носки выворочены» [Спицын, 1905, с. 33].

¹⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 106. Л. 14.

¹⁷ А. А. Спицын, обращая внимание на углубление в верхней части изображенного предмета, предполагает, что один из предметов может быть сосудом [Спицын, 1905, с. 33].

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

Рис. 5. Глиняная статуэтка из Ц-10/Серг-1898 до утраты «ног» (из: [Спицын, 1905, с. 66, рис. 131])

Fig. 5. Clay statuette from C-10/Serg-1898 before the loss of "legs" (from: [Spitsyn, 1905, p. 66, fig. 131])

К сожалению, значительная поврежденность фигурки не позволяет выявить иные детали, которые могли бы помочь в более точной интерпретации находки¹⁸. Мы можем лишь ограничиться предположением, что высота фигурки составляла около 10–12 см, а сама фигурка имела специфические пропорции – короткие ноги при довольно вытянутом туловище.

Однако, упоминая о повреждениях, мы хотим заострить внимание на некоторых из них. Правая часть лица фигурки как бы сплющена, образуя практически ровную наклонную поверхность. На правой стороне туловища и головы также заметна узкая вытянутая вмятина. Как бы смяты и руки статуэтки. Подобная деформация характерна для мягкой влажной глины, не утратившей своей пластичности. Схожие повреждения для керамического изделия, хорошо просушенного или обожженного, представляются крайне маловероятными. Очевидно, фигурка еще сырой попала в погребальный костер и была в нем подсушена, в процессе претерпев деформацию и распавшись на несколько частей¹⁹.

На основании вышеизложенного мы делаем вывод, что фигурка была помещена в погребальный костер спустя очень непродолжительное время после изготовления. В связи с этим правомерно будет утверждать, что она была изготовлена непосредственно для обряда погребения и является ритуальным предметом. Стоит отметить, что обжиг статуэтки носил случайный характер (воздействие погребального костра) и не предполагал дальнейшего ее использования. Это не дает нам возможности называть ее керамическим изделием.

Наряду с другими материалами из раскопок С. И. Сергеева, погребальная урна и фрагменты глиняной статуэтки были впервые опубликованы В. И. Сизовым в 1902 году в работе «Курганы Смоленской губернии». Упоминая статуэтку, Сизов предполагает, что «формы этой фигуры отличаются, на наш взгляд, такой округлостью, которая не может быть характерной для примитивной техники местной лепки» [Сизов, 1902, с. 93]. Исследователь интерпретирует статуэтку либо как привозной амулет, либо как грубое местное подражание «какому-либо иноземному оригиналу» [там же]. Сизов отмечает определенное сходство

¹⁸ Стоит отметить, что сам С. И. Сергеев, по всей видимости, не был уверен в том, что два фрагмента принадлежали к одному изделию – в полевом дневнике содержится упоминание «двух глиняных фигурок».

¹⁹ В районе разлома статуэтки небольшие фрагменты также были утрачены – верхняя и нижняя ее части не «стыкуются» между собой.

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

рассматриваемой фигурки с глиняными статуэтками из Афросиаба, однако сразу же отказывается от предположения о возможности такого происхождения гнёздовской статуэтки, отмечая хронологическое несоответствие между двумя археологическими памятниками [там же]. В настоящий момент предположения Сизова представляет скорее историографический интерес. Тем не менее, называя статуэтку амулетом, исследователь, по нашему мнению, верно предполагает ритуальное назначение рассматриваемого артефакта.

Опубликованы предметы из кургана Ц-10/Серг-1898 и в работе А. А. Спицына 1905 года. Однако в ходе описания вещевого материала из раскопок С. И. Сергеева, Спицын ограничивается кратким описанием внешнего вида погребальной урны и двух частей статуэтки [Спицын, 1905]. Впоследствии графическое изображение²⁰ гнёздовской статуэтки встречается в работе Л. Нидерле [Нидерле, 2015, с. 565]; также статуэтка единожды упоминается Д. А. Авдусиным [Авдусин, 1974, с. 80–81].

Рис. 6. Глиняная статуэтка из раскопок А. С. Уварова (из: [Спицын, 1905, с. 133, рис. 63])

Fig. 6. Clay statuette from the excavations of A. S. Uvarov (from: [Spitsyn, 1905, p. 131, fig. 63])

Находка объемного человеческого изображения в древнерусских памятниках IX–XI вв. представляется чрезвычайной редкостью [Мурашёва, 2005, с. 124]. На территории Гнёздовского комплекса археологических памятников зафиксирована лишь одна подобная находка, представленная маленьким свинцовым «идолом». Обнаруженная на территории пойменной части поселения, свинцовая фигурка атрибутирована В. В. Мурашёвой как «карманный божок» и относится исследователем к скандинавскому кругу древностей [там же, с. 128]. Однако явное различие в функциональном назначении двух гнёздовских антропоморфных объектов не позволяет нам делать каких-то дополнительных предположений о глиняной статуэтке из кургана Ц-10/Серг-1898. Стоит также отметить еще один фрагмент глиняной фигуры, происходящий из богатого погребения в кургане Ц-74/Серг-1900 [Спицын, 1905, с. 66, рис. 128]. К сожалению, в настоящий момент местонахождение предмета неизвестно, а имеющееся в работе А. А. Спицына изображение сложно назвать информативным²¹.

Несколько слов необходимо сказать о происходящей из раскопок А. С. Уварова глиняной статуэтке (рис. 6), обнаруженной в 1852 году у села Веськи (Вёски)²² [Уваров, 1872, с. 97, 189], которая периодически упоминается наряду с гнёздовской находкой [Авдусин,

²⁰ Сделанное, несомненно, по фотографиям статуэтки из публикаций В. И. Сизова или А. А. Спицына.

²¹ У А. А. Спицына в одном месте находка описывается как «обломок глиняной статуэтки как бы в сидячем положении» [Спицын, 1905, с. 33], при этом в другом месте она описана как «часть глиняной фигурки на трех ножках» [там же, с. 47].

²² Располагается на территории современной Владимирской области.

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

1974, с. 80–81; Нидерле, 2015, с. 565]. Сделанная из обожженной глины [Уваров, 1872, с. 97]²³, статуэтка была обнаружена в верхней части насыпи кургана № 43. Это не позволяет нам уверенностью относить находку непосредственно к погребальному комплексу и исключать ее более позднее происхождение. В свою очередь, плохая сохранность гнёздовской находки не дает нам возможности делать сколько-нибудь обоснованные выводы о морфологических сходствах или различиях рассматриваемых статуэток.

При более масштабном поиске аналогий стоит упомянуть глиняную антропоморфную пластику средневекового Зауралья. Многочисленные глиняные фигурки происходят с территории поселений и из погребений юдинской (молчановской), усть-ишимской и кинтусовской культур. Данные статуэтки датируются в хронологических рамках IX–XII вв. [Чикунова, 2014, с. 61]. В большинстве своем эти небольшие изделия представляют собой стилизованные фигурки сидящих или лежащих людей, украшенные разнообразным орнаментом [там же, с. 59–60]. Наиболее убедительным является предположение о культовом предназначении таких фигурок [там же, с. 61]. Однако несомненные морфологические различия, широкая датировка и значительная географическая удаленность от Смоленского Поднепровья позволяют исключить какую-либо прямую связь рассматриваемых артефактов.

Возвращаясь к погребению в Ц-10/Серг-1898 – при попытке его датировки важным хронологическим маркером является использование в качестве погребальной урны горшка VI типа лепной гнёздовской керамики. Е. В. Каменецкая определяет сосуды этого типа как развитую лепную керамику и датирует началом X – третьей четвертью X в. [Каменецкая, 2019, с. 29]. Это позволяет с уверенностью датировать захоронение в пределах X в. Однако немногочисленный (и частично утраченный) инвентарь погребения не дает оснований как для предложения более узкого временного диапазона, так и для определения половозрастной принадлежности погребенного²⁴.

В связи с отсутствием прямых аналогий гнёздовской статуэтке мы хотим взглянуть на нее в контексте использования на древнерусской территории глиняных фигур, непосредственно изготовленных для погребального обряда. Следует обратить внимание на широко известные в отечественной археологической науке глиняные лапы и кольца. Происходящие в основном из курганов Ярославского Поволжья²⁵, они являются объектом долгой научной дискуссии [Кураев, 2000, с. 157]. Не вдаваясь в детали этой дискуссии (поскольку она несколько выходит за рамки нашего исследования), отметим, что в настоящий момент наиболее обоснованным нам представляется предположение о принадлежности курганов с глиняными лапами и кольцами выходцам из Фенноскандии [там же, с. 162]. Обозначим несколько общих моментов, проявляющихся при сравнении гнёздовского захоронения со статуэткой и погребальных комплексов с глиняными лапами и кольцами. Во-первых, все исследователи захоронений с глиняными лапами и кольцами солидарны в том, что эти предметы изготовлялись специально для захоронений и не использовались в быту [там же, с. 160]. При этом сами лапы также были изготовлены из необожженной или плохо

²³ А. А. Спицын при этом отмечает, что эта же фигурка сделана из необожженной глины [Спицын, 1905, с. 110].

²⁴ В коллекции Исторического музея, происходящей из раскопок С. И. Сергеева, вместе с вышеописанным лепным горшком содержится небольшое количество кальцинированных костей, однако у нас нет уверенности в том, что эти кости относятся непосредственно к комплексу Ц-10/Серг-1898.

²⁵ Единичные находки лап происходят из синхронных археологических памятников на древнерусской территории. За ее пределами значительное количество глиняных лап в погребениях обнаружено на Аландских островах, единичные находки известны в Швеции [Недошивина, Зозуля, 2012, с. 190].

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

обожженной глины²⁶ [Фехнер, 1962, с. 305]. Во-вторых, подавляющее большинство глиняных лап и колец также происходит из погребений с трупосожжениями на месте – глиняные изделия чаще всего обнаруживаются непосредственно на кострищах [Кураев, 2000, с. 160]. Большинство погребальных комплексов с лапами и кольцами из могильников Ярославского Поволжья датируется второй половиной X в. [Фехнер, Недошивина, 1987, с. 86–87]. К сожалению, довольно широкие хронологические рамки погребения Ц-10/Серг-1898 не дают нам возможности с уверенностью говорить о синхронности рассматриваемых захоронений. В то же время мы можем утверждать, что сооружение рассматриваемых курганных погребений Гнёздова и Ярославского Поволжья укладывается в хронологические рамки X в. Мы не рискуем с уверенностью говорить о прямой связи между глиняными фигурами из курганов Ярославского Поволжья и глиняной статуэткой из рассматриваемого гнёздовского кургана Ц-10/Серг-1898. Однако, по нашему мнению, не стоит игнорировать несомненное сходство в функциональном назначении этих глиняных изделий. Поэтому – если обнаружение глиняных лап и колец в погребениях позволяет говорить о существовании на древнерусской территории погребальной традиции, заключающейся в помещении в погребения фигуры из необожженной глины, то гнёздовские находки несколько дополняют и усложняют ранее сложившуюся картину. Гнёздовская статуэтка представляется уникальным предметом для древнерусской территории. При этом не стоит игнорировать обнаружение С. И. Сергеевым другой глиняной фигуры в погребении Ц-74/Серг-1900. Принимая во внимание комментарии А. А. Спицына, мы не можем исключать, что она также имела антропоморфный вид. В связи с этим стоит с осторожностью поднять вопрос о существовании у незначительной части жителей древнего Гнёздова какой-то локальной погребальной традиции. Истоки ее назначения, к сожалению, пока остаются неясными.

В качестве вывода стоит обозначить следующее – гнёздовская статуэтка, очевидно, является предметом, несущим ритуальную функцию. Она была создана непосредственно для погребального обряда незадолго до самого обряда. На данный момент детально определить ритуальную функцию гнёздовской глиняной фигуры затруднительно. Наличие ритуальной статуэтки в погребальном инвентаре кургана Ц-10/Серг-1898 представляется очередным ярким штрихом к сложной и многогранной картине погребальных обрядов, зафиксированных на территории Гнёздовского комплекса археологических памятников. По всей видимости, мы имеем дело с не выявленной ранее погребальной практикой, имевшей локальное распространение у жителей Гнёздовского раннегородского центра. В свою очередь, этой статьей мы также хотим привлечь внимание к вопросу использования глиняных фигур в погребальной обрядности Древней Руси, что представляется многообещающей темой для будущих исследований. Наконец, этой статьей нам удалось продемонстрировать перспективы возвращения к старым коллекциям, изучение которых несомненно приведет к плодотворным результатам.

²⁶ Плохо обожженная глина, по нашему мнению, может свидетельствовать об обжиге лап и колец непосредственно в погребальном костре.

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

Библиография

- Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове // Вестник Московского университета. История. № 1. 1974. С. 74–86.
- Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя: дисс... канд. ист. наук. М., 1992.
- Зозуля С. С., Новиков В. В. Загадочные изделия с зооморфными окончаниями из Гнёздова // Край Смоленский. 2024. № 11. С. 17–20.
- Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья // М., Смоленск: КДУ, Университетская книга, 2019. 244 с.
- Кураев И. В. Погребения с глиняными лапами и кольцами из Ярославского Поволжья // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волгокамья. Труды Государственного исторического музея / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М., 2000. Вып. 122. С. 157–164.
- Мурашева В. В. «Идол» из Гнёздова // РА. 2005. № 1. С. 124–129.
- Медведева М. В. Гнёздовский археологический комплекс: материалы документального наследия Императорской археологической комиссии в научном архиве ИИМК РАН // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. Труды Государственного исторического музея / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М., 2018. Вып. 210. С. 267–286.
- Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 179–193.
- Нидерле Л. Славянские древности М.: Институт Русской цивилизации, 2015. 784 с.
- Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902. № 28. 136 с.
- Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия Археологической Комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 6–70.
- Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия Археологической Комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84–172.
- Уваров А. С. Меряне и их быт по археологическим раскопкам: Исслед. гр. А. С. Уварова. М., Синод. тип., 1872. 217 с.
- Фехнер М. В. Глиняные лапы из Тимиревского курганного могильника // СА. 1962. № 3. С. 305–309.
- Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимиревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.
- Чикунова И. Ю. Глиняная антропоморфная пластика средневекового Зауралья // Вестник антропологии, археологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 54–63.

IVAN V. ZERNOV

CLAY STATUETTE FROM S. I. SERGEEV'S
EXCAVATIONS IN GNEZDOVO

Annotation. The study of the Gnezdovo necropolis has been going on for more than one hundred and fifty years – numerous archaeological materials have been accumulated that need to be published at the modern scientific level. In 1898, S. I. Sergeev excavated a barrow in Gnezdovo, dating back to the tenth century. An anthropomorphic clay figurine was found as part of the burial inventory. The nature of the clay figurine's deformations indicates that it was placed in the funeral pyre while still wet and had already undergone a partial firing procedure there. This allows us to speak of the figurine as a ritual object purposefully made for burial. The ritual purpose of the Gnezdovo statuette brings it closer to the clay paws and rings found in the burial grounds of the Yaroslavl Volga region – these objects, according to most researchers, were also made directly for use in the funeral rite. The statuette from Gnezdovo complements and complicates the previously established picture of the existence of a funerary tradition on the ancient Russian territory, which consisted of placing figures made of unbaked clay in the burial.

Keywords: funeral rite of Ancient Rus Gnezdovo, anthropomorphic statuette, clay paws and clay rings

References

- Avdusin D.A.* Skandinavskie pogrebeniia v Gnezdove [Scandinavian burials in Gnezdovo] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Istorii. No 1. 1974. S. 74–86.
- Zharnov Iu. E.* Pogrebal'nyi obriad v Drevnei Rusi po materialam gnezdovskogo nekropolia [Funeral rite in Ancient Russia based on the materials of the Gnezdovo necropolis]: Diss... kand. ist. nauk. M., 1992.
- Zozulia S. S., Novikov V. V.* Zagadochnye izdeliia s zoomorfnyimi okonchaniiami iz Gnezdova [Mysterious products with zoomorphic endings from Gnezdovo] // Krai Smolenskii. No 11. 2024. S. 17–20.
- Kamenetskaia E. V.* Keramika IX–XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov'ia [Ceramics of the IX–XIII centuries as a source on the history of the Smolensk Dnieper region] // M., Smolensk: KDU, Universitetskaia kniga, 2019. 244 s.
- Kuraev I. V.* Pogrebeniia s glinianymi lapami i kol'tsami iz Iaroslavskogo Povolzh'ia [Burials with clay paws and rings from the Yaroslavl Volga region] // Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgokam'ia. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. / Otv. red. I. V. Belotserkovskaia. M., 2000. Vyp. 122. S. 157–164.
- Murasheva V. V.* «Idol» iz Gnezdova [The "Idol" from Gnezdovo] // RA. 2005. No 1. S. 124–129.
- Medvedeva M. V.* Gnezdovskii arkheologicheskii kompleks: materialy dokumental'nogo nasledii Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii v nauchnom arkhive IIMK RAN [Medvedeva M. V. Gnezdovo archaeological complex: materials of the documentary heritage of the Imperial Archaeological Commission in the scientific archive of the IIMK RAS] // Gnezdovskii arkheologicheskii kompleks: Materialy i issledovaniia. Vyp. 1. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. / Otv. red. S. Iu. Kainov. M., 2018. Vyp. 210. S. 267–286.
- Nedoshivina N. G., Zozulia S. S.* Kurgany Iaroslavskogo Povolzh'ia [Barrows of the Yaroslavl Volga region] // Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaia panorama / In-t arkheologii RAN; otv. red. N. A. Makarov. — M., Vologda: Drevnosti Severa, 2012. S. 179–193.

И. В. Зернов. Глиняная статуэтка из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

- Niderle L.* Slavianskie drevnosti [Slavic antiquities] M.: Institut Russkoi tsivilizatsii, 2015. 784 s.
- Sizov V. I.* Kurgani Smolenskoï gubernii. Vip. 1. Gnezdovskii mogilnik bliz Smolenska [Barrows of the Smolensk province. Issue 1. Gnezdovo burial ground near Smolensk] // Materiali po arkhologii Rossii. SPb.: Tip. Gl. upr. udelov, 1902. No 28. 136 s.
- Spitsyn A. A.* Gnezdovskie kurgany v raskopkakh S. I. Sergeeva [Gnezdovo barrows in the excavations of S. I. Sergeev] // Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii. Vyp. 15. SPb., 1905. S. 6–70.
- Spitsyn A. A.* Vladimirske kurgany [Vladimir barrows] // Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii. Vyp. 15. SPb., 1905. S. 84–172.
- Uvarov A. S.* Meriane i ikh byt po arkhologicheskim raskopkam: Issled. gr. A. S. Uvarova [The Meryans and their way of life in archaeological excavations: Studies by gr. A. S. Uvarov] M., Sinod. tip., 1872. 217 s.
- Fekhner M. V.* Gliniane lapy iz Timerevskogo kurgannogo mogil'nika [Clay paws from the Timerevo barrow necropolis] // SA. 1962. No 3. S. 305–309.
- Fekhner M. V., Nedoshivina N. G.* Etnokul'turnaia kharakteristika Timerevskogo mogil'nika po materialam pogrebal'nogo inventaria [Ethnocultural characteristics of the Timerevo necropolis based on the materials of the funeral inventory] // SA. No 2. 1987. S. 70–89.
- Chikunova I. Yu.* Glinyanaya antropomorfnaia plastika srednevekovogo Zaural'ya // Vestnik antropologii, arheologii i etnografii. 2014. No 2 (25). S. 54–63.

Поступила в редакцию: 27.05.2025

После доработки: 03.10.2025

Принята к публикации: 04.03.2026